

Август в Одессе

До 20 лет...

Обожаю август в Одессе... Мягкое тепло дня и нерезкая прохлада ночи, пение цикад и легкий шум люминесцирующих волн. В это время особенно хороши персики. Когда они уже не твердые, подобно огурцу, но и не липко-переспелые, а именно такие, какими должны быть, с косточкой, которая сама отпадает от мякоти, если разломить персик пополам. А как хороши в это время арбузы!

Привоз — апофеоз изобилия и плодородия. Все, чем балует земля летом, встречается в начале августа, когда наступает перелом к осени. Именно бархат августовского солнца делает траву и зелень такой маняще-зеленой и мягкой, ночные ливни щедро дарят влагу листьям, пострадавшим во время июльского зноя.

Как милы и очаровательны приезжие, стоящие на остановке возле Привоза! С открытым ртом и вытаращенными глазами, они одинаково пялятся на бюсты одесских дам и купола соборов.

Успеваешь во время обеденного перерыва выскочить под ливень и — до озноба — набегаться под дождем, нащелпаться по лужам и побродить по выложенным булыжником мостовым по щиколотку в горячей от нагретых камней и асфальта воде. Желание разуться и пройтись босиком по отмытому ливнем асфальту оказывается сильнее желания бежать в пельменную за углом...

После 25....

Ненавижу август в Одессе. То ли осень, то ли лето. От внезапных перемен погоды постоянно мучает мигрень.

Ливни не в состоянии отмыть грязь, которая скопилась на асфальте. Тщательно обхожу. Как можно вытерпеть вонь от прокисших арбузных корок, которая вместе с мерзкой жижей вытекает из мусорных контейнеров, стоящих на каждом шагу?

Ненавижу Привоз, на котором почти не осталось местных продуктов, а перекупщики бойко торгуют турецкими помидорами и марокканскими апельсинами. Не люблю огурцы в августе, когда надо выбрать между перезрелыми гигантами с жесткими семечками и мелкими симпатичными огурчиками, которыми смело можно заменить хинин.

А эти бесконечные орды машин и людей, бывших ранее приезжими или курортниками,

теперь именуемые себя туристами? Им совершенно все равно, на что тарашиться — на безвкусию и вульгарно одетых девиц или на отреставрированные церкви, возле которых еще никогда не было столько попрошаек. За чем они приехали сюда, если помидоры у них в городе дешевле, чем у нас на Привозе?

Жирные мухи днем, настырные комары и надоедливые сверчки ночью, вода, которая фосфорится от грязи, сливаемой в море ежедневно... Август, который так любил в детстве, которым наслаждался в юности...

За 30...

Август в Одессе ничем не отличается от любого другого месяца в любом другом городе.

Овощи и фрукты скупаю в ближайшем супермаркете по дороге домой. Не забочусь об их происхождении, главное — вечером побаловать быстро выросшее семейство.

На работе в обеденный перерыв вместе с коллегами уплетаю купленный за углом херсонский арбуз, пребывание в кондиционированном офисе кажется высшим из благ.

Начинаю забывать романтику ночных прогулок к морю — недавно жена узнала, что именно там прогуливал новую сотрудницу, и в ночных вылазках отказано. Равно как и в летнем отпуске.

И совершенно непонятно, чем занять сына, так некстати вернувшегося из лагеря именно сейчас.

Все реже замечаю, во что одеты прохожие, только очень уж откровенный вырез какой-нибудь школьницы еще способен на какое-то мгновение притянуть взгляд. Все чаще кажется, что в городе стало больше молодежи и комаров. Мимоходом отмечаю появившиеся в городском потоке автомобили с иногородними номерами.

Нет острее впечатлений, чем выход на пиво в день зарплаты с сотрудником и виновагого вознаграждения домой, когда встречает жена.

И скучно, и душно, и жарко. Все чаще думаю, что ночная бессонница — это не от жары, а от совсем, совсем другого...

Ближе к 40...

В который раз ребенок не явился ночевать домой. Ворочаюсь в постели, перебирая в мыслях варианты наказаний.

В тысячный раз, подсакивая к затылку

москитной сеткой окну, все, что вижу, — это неспешный танец комаров снаружи. Ну почему сегодня не идет ливень, так же как и вчера ночью, когда дремал на дачной веранде, слушая шелест волн, который напоминал о чем-то, что было где-то рядом, совсем близко, но ускользало, как только пытался протянуть руку. И не важно, что перед грозой крутило колени и разламывалась спина.

А еще вспоминаю, как на прошлой неделе, ну, той, первой неделе августа, спешно заполняющий медицинскую карту доктор сказал: "У вас песочек в почках, уважаемый, что похвально для вашего возраста. Обычно бывают камни. Кхм-кхм. Сейчас самое время — поешьте для профилактики арбузов и огурцов".

...Всю неделю, как биржевой маклер, наблюдаю падение цен на арбузы, и когда кажется, что 50 копеек за kilo — это уже не 55, с видом знатока перебираю горы полосатых ягод, а потом укоряю себя в жадности и обжорстве.

Сегодня по дороге на работу зазевался, разглядывая нескромную майку какой-то приезжей девицы, и едва не влетел в разваливающийся "икарус". Номера не то Харькова, не то Донецка. У них-то моря нет.

Не удержавшись, тайком съел порцию шарурмы. Чувствовал себя героем первые полчаса. Потом разболелся желудок, потом печень. И от приступа спасла только но-шпа, заблудливо положенная в портмоне женой, в обмен на зарплату.

Если бы сейчас, да, прямо сейчас, выскочить на пляж, вот так, в одних трусах, нырнуть с головой в ласковые объятия моря... Все эти годы уйдут и забудутся, и снова буду терзать ночные волны, выбивая из них искры...

Далеко за 50...

Второй раз в этом августе от подъезда дома откатывается "скорая", увозящая очередного соседа-ровесника с острым приступом ишемической болезни.

Съев на ужин скибку опостылевших арбузов и закусив на ночь кардафеном и валокордином, направляюсь в спальню. Присидев час на неразобранной постели, начинаю понимать, что в том, что дети выросли, а вторая половина просто ушла от тебя, виновата совсем не августовская жара.

Еще вчера за обедом, держа в руке за тонкую хрустальную талию рюмку коньяку, с упоением рассказывал молоденькой девушке в дурацком вызывающем платье о том, что достиг вершин жизни. А сегодня — сегодня поскользнулся на банановой кожуре (и

какой идиот ест бананы в августе, когда есть персики).

Наконец-то заметил, что в городе почти не осталось евреев, что на Привозе продают больше суррогатов мыла, чем моркови каротель и помидор микадо, что трава покрыта толстым слоем пыли, которую ночной ливень превращает в жидкую грязь, и клыну ливневую канализацию, построенную еще де Воланом, за то, что она не справляется с потоками дождя.

Разглядываю студентов-иногородников, перебегающих улицу от троллейбуса к общеджиту. Их длинные лохмы, намокшие и слипшиеся в сосульки, напоминают о твоих таких же, лет 30 назад. Хочется выскочить под дождь и бежать, сняв обувь, далеко и весело. Но...

Сколько мне осталось?..

Когда же закончится этот несносный и прекрасный август? Санаторские врачи не разрешают вдоволь наестся арбузов, а внуки, когда приходят, спешат поскорее всунуть корзину желтых помидор и лысых персиков и бежать по своим делам. У них все не как у людей. Как только нахмурится небо, они немедленно достают зонтики, натягивают обувь на немислимой платформе и спешат быстрее удрать от дождя, считая его кислотным. Разве могут понять они, дети урбанизации и залетных гостей, не чувствующих настоящего духа августовской Одессы, как до боли здорово, сняв раскисшие туфли и мокрые носки, шлепать по лужам и заливать смехом, когда редко проезжающая машина окатывает тебя теплой водой ливня с головы до ног? Не понимают они и того, что арбуз — это просто вкусно, а не 95 процентов воды и 3 процента глюкозы, что его надо есть не в меру, а сколько влезет, давась косточками и выгрызая красную мякоть до тоненькой зеленой шкурки. Разве слышат они, забив уши ревом рэпа и хип-хопа, как манящим шелестом волн зовет их море? Они предпочитают бассейны, в которых хлорка почти вытеснила воду. На их долю не осталось ничего... Ни трамвая, который обязательно приходил в "семь-сорок", ни керосиновых лавок на Эстонской, что со стороны зоопарка у Привоза, ни крика одесских торговцев молоком и рыбой вразнос с Еврейской, ни летних кинотеатров и открытых эстрад, ни бесплатных библиотек и стоматологов. Что-то болит в груди... Надо отпроситься у главврача на денек и поехать к жене... На второе еврейское... Вспомнить...

Мария ГУСЕВА

После Ойбермана — потоп?

К утверждению про рукописи, которые не горят, уже можно добавить нечто подобное и про другие носители стоящей информации. Каким-то чудом уцелела аудиокассетка советского производства. На ней диктофонная запись 13-летней давности. Шипит, хрипит, но разобрать можно:

— Говорит Ефим Моисеевич Ойберман, одессит с 1917 года. Я раньше никогда не говорил в такую шутовину, и сейчас вы бы меня не упросили, если бы не рассказали анекдот про евреев, которых пора заносить в Красную книгу СССР.

Так вот, начну с вопроса, почему Ефим Ойберман, участник ВОВ, имеющий ранения, контузию и медаль "За взятие Кенигсберга", сейчас сядет в вагон и будет плакать в окно под музыку Соловьева-Седого "Прощай, любимый город"? А если вы меня тоже будете спрашивать: куда же ты, Ефим Моисеевич, в свои семьдесят четыре едешь на собственные похороны, то я вам тоже скажу: а что делать? Брат Изя уже лежит на кладбище в г. Хадере, но он же там, извините, по-человечески лежит: и могилка не затоптана, и плиточка с именем не украдена, не побита. А если бы я остался в нашем родном городе, то уже некому было бы проводить до места окончательной прописки. Хотя какая она окончательная? Вон у меня на Люстдорфской дороге слева, не доезжая до тюрьмы, родители лежали. Так, наверное, так плохо лежали, что там все разбили, разрыли, устроили скверное гуляние и бензином машины заправляют. Кому-то весело над вечным покоем... Спрашиваете, как положить меня в другую землю? Это как раз не вопрос. Сын Эдуард зовет вообще на

другую сторону Земли. Дочка Галя поближе, но тоже имеет в своем колхозном кибуце такую полную чашу, что мне никогда и не снилось. Да что там говорить, и там, и сям давно живут лучше, чем в нашем старом дворе! Но, с другой стороны, это же не причина закрывать всю Одессу. И надо хорошо подумать про еще оставшийся миллион в основном приличных людей. А то им в своем доме скоро не будет места.

Знаете что, я не какой-то там король Людовик, а скромный еврей Ойберман, и никому не пожелаю, чтоб после меня был потоп. Но вот приходит ко мне соседка Любовь Тимофеевна, смотрит, как я собираю свой чемоданчик, и первая плачет. Вы, говорит, Ефим Моисеевич, только не подумайте, что я плачу от радости расширить свою жилплощадь за счет вашей комнаты в нашей коммуналке. Чтоб оно горело — такое расширение! Всю жизнь прожили рядом — это раз, а другое — теперь в городе становится страшно! А дальше заходит Федя Ищенко со своей Катей Цаланюк и возмущаются: особенно, говорят, невыносимо становится в последние дни в торговых точках и на базаре — нашу Одессу прямо на глазах захватывают чужие.

Даже если я вам по-научному скажу, вы поймете. Каждый приличный город — это как организм человека. И если у этого человека признают печеночную недостаточность, то разве можно при нашей сегодняшней медицине заменять его печенку на чужую, и, как говорят специалисты, инородную? Такая самая ситуация получается в Одессе. Можете говорить про ее евреев, что хотите (а кое-что и кое про кого может оказаться даже не брехней!), но евреи за два пролетевших века от-

дали городу большую часть своей души и пользы. Но тут получается такая мировая история, что евреям обратно выпадает судьба уезжать. Уезжают те, кого в анекдоте про три сорта с советской пятой графой называли "гордостью русского народа" — ученые, артисты, музыканты. И те, кого правильно причисляли к интеллигенции — врачи, инженеры и главные бухгалтеры. Ну, и те, которых, извините за старую песню про воду в кране, называли сами знаете как. То есть торговцы, лавочники, маклеры и прочие мелкие специалисты по слегка дозволенной рыночной экономике. Между прочим, к этой последней категории я имел причислить и себя.

Так вот, теперь мои соседи по коммуналке сами говорят, что и эти последние евреи тоже свои, и их жалко отпускать. Теперь даже вспоминают, что они вместе с другими порядочными одесситами строили наш красивый город. Да вы пройдитесь по Одессе хотя бы до Еврейской больницы. Слава Богу, еще многое уцелело, многое стоит, несмотря на все несчастья!

Но и в несчастные времена приличные люди оставались приличными людьми. Вместе воевали, вместе погибали, вместе стояли в очередях, а если что-то можно было достать без очереди, то тоже делились. Разве к жившему по соседству бакалейному работнику Мойше Когану нельзя было обратиться за бутылком постного масла и пару кило крупы — и разве он кому-то отказал? Потому что нормальный человек понимает: нельзя не помочь соседу, земляку. Так всегда было у нас в Одессе. Вы нашу торговку Фиру знали, которая стояла в овощной лавке на углу Привоза? Так она стеснялась подмешивать людям

гнилые помидоры, а многодетной Тане из нашего двора приносила полную торбу овощей за так.

В прошлом году уехал со своими старик Коган. В прошлом месяце дети почти что силой забрали уже хворую святую торговку Фиру.

И вот тут люди видят, что и в бакалеях, и в овощных лавках, и за базарными стойками возникают какие-то другие личности. Есть же умные слова про то, что свято место не бывает пусто. Посмотрите, как к торговым точкам Одессы со всех сторон лезут совсем чужие. И что вы видите на их лицах? А ничего вы там не видите, кроме сильного желания урвать, нахапать с одесситов. Подумать только, на собственном базаре пару огурцов уже нельзя купить по честной рыночной цене, потому что огородинку тетю Машу с Дальника эта мафия не допускает до ворот. А мясной ряд — это ж вообще международный анекдот. Даже свиной торгуют те, кому по вере к ней прикасаться нельзя. Но у этих одна вера — наглость и жадность. А рядом стоит наш базарный "мент" и отворачивает свое официальное лицо. И почему такая поза?

Мои расстроенные соседи правы: эти приезжие мафии ведут себя, как оккупанты в захваченном городе. Нормальный человек сказал бы: нельзя так торговать и вообще вести себя. Только зачем им здесь порядок и совесть? Они же не в своем местечке, не в родном ауле. Там бы им никто не позволил наглет и грабнуть!

И не подумайте, что я, пожилой человек, прошедший Отечественную войну и такой же голод, так думаю обо всех новых торгующих. Факт, что на одесский рынок рвется за наживой не добрый мусульманин

и не честный язычник. Нет, это люди, про которых и на собственной родине говорят другими словами.

Как говорится, кто виноват и что делать? Я, старый Ойберман, лично имею что сказать только по второму вопросу. Так вот, торговля — это как кровеносная система города, всей державы. Отдадите в чужие руки торговлю — и из вас пустая кровь. Так что, дорогие мои, учитесь торговать сами! Вы же посмотрите, как это делается во всем мире: своя культурная торговля — культурная страна!

И это всем моим приличным землякам-одесситам надо понять срочно, потому что надежды на некоторых наших державных "муниципиев" и "муниципчек", как на того базарного "мента".

Что мне еще осталось сказать перед отходом своего последнего одесского поезда? За минуту скажу только анекдот. Уезжает из Одессы последний еврей, а его провожает со слезами на глазах последний антисемит. И аж заходится плачем:

— Ой, Мойша, заберите меня с собой!..

— А что, без меня, уважаемый, вам здесь будет скучно?

— Или! А еще страшно!..

— Да что такое?

— А то, что в вашей лавочке уже хозяйничает какой-то башибузук, который мало что обвешивает, так еще и нашего юмора не понимает. Так он уже пообещал меня зарезать!..

— Ой, как нехорошо! — огорчается Мойша. — Тогда посидите тихо, я вам сделаю вызов...

Зовет гудок. Поезд трогается. Конец записи.

Григорий ЯБЛОНСКИЙ